

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Урунова Фируза Хайдаровна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Рашидова Фарангиз Эштемир кизи

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация: В статье рассматриваются морфонологические и словообразовательные особенности притяжательных прилагательных русского языка. Особое внимание уделяется суффиксам -ин (-ын), -ов (-ев), -ий (-ья, -ье), которые выступают основными словообразовательными показателями притяжательности. Анализируются процессы чередования согласных на стыке корня и суффикса, явления йотации, выпадения гласных и морфонологического наложения морфем. Подчеркивается архаичность притяжательных моделей и их структурная специфика в сравнении с относительными и качественными прилагательными. Также отмечается тенденция снижения продуктивности притяжательных форм в современном языке и их вытеснение аналитическими конструкциями. Материал исследования демонстрирует тесную связь фонологических процессов и словообразовательных механизмов, обеспечивающих выражение значения принадлежности в русской грамматической системе.

Ключевые слова: притяжательные прилагательные, морфонология, словообразование, суффиксы -ин, -ов, -ий, йотация, чередование согласных, беглые гласные, продуктивность моделей, русская грамматика.

Abstract: The article examines morphonological and word-formation features of possessive adjectives in the Russian language. Special attention is given to the suffixes -ин (-ын), -ов (-ев), and -ий (-ья, -ье), which function as the main

derivational markers of possessiveness. The study analyzes consonant alternations at the junction of the stem and suffix, as well as the phenomena of iotation, vowel reduction, and morphological overlapping of morphemes. The archaic character of possessive derivational patterns and their structural specificity in comparison with qualitative and relative adjectives are emphasized. The paper also highlights the gradual decline in productivity of possessive adjectives in modern Russian and their replacement by analytic genitive constructions. The research demonstrates the close interaction between phonological processes and derivational mechanisms that express the meaning of possession in the Russian grammatical system.

Keywords: *possessive adjectives, morphonology, word formation, suffixes -ин, -ов, -ий, iotation, consonant alternation, vowel reduction, productivity, Russian grammar.*

Притяжательные прилагательные в аспекте их словопроизводства представляют собой наиболее архаичный и в то же время структурно специфический пласт русской морфологии. Если качественные и относительные имена тяготеют к аналитизму и регулярности, то притяжательные формы сохраняют в себе следы глубоких исторических процессов, связанных с взаимодействием основ и суффиксов. В лингвистических трудах Н. С. Трубецкого и развивающих его идеи современных морфоологов подчеркивается, что образование притяжательных имен — это не просто механическое присоединение морфем, а сложная мутация основы, призванная маркировать переход от категории субъекта к категории признака владения. Основная нагрузка здесь ложится на три типа суффиксов: -ин (-ын), -ов (-ев) и -ий (-ья, -ье), каждый из которых обладает собственной морфонологической «дистанцией» и спецификой функционирования¹.

Наиболее сложным и интересным в научном отношении является суффикс -ий (с его скрытым йотом [j] в косвенных падежах), который

¹Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 189.

используется для образования притяжательных прилагательных от названий животных и некоторых лиц (волчий, лисий, помещичий). Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое в академической грамматике описывается как совмещение словообразовательного суффикса с флексией в именительном падеже и его явное проявление в виде разделительного мягкого знака в остальных формах (волч-ий — волчь-его). Морфонологический анализ таких основ выявляет закономерные чередования согласных на стыке корня и суффикса: к/ч (рыбак — рыбачий), г/ж (медведь — медвежий), х/ш (петух — петушиный, хотя в классической модели на -ий это проявляется реже). В работах А. А. Реформатского указывается, что именно этот тип словообразования наиболее наглядно демонстрирует живую связь между фонологией и семантикой: «смягчение» или «шипение» согласного в корне становится звуковым сигналом перехода предмета в разряд чьей-то принадлежности или свойства.

Словообразовательные модели на -ин и -ов (мамин, отцов) внешне кажутся более простыми, однако они таят в себе уникальную для русского языка особенность — так называемое «краткое» или «именное» склонение в ряде падежных форм. С точки зрения словопроизводства, эти суффиксы обладают чрезвычайно узкой избирательностью: они присоединяются к одушевленному существительному, обозначающему лиц, причем суффикс -ин исторически закрепился за основами на -а/-я (сестра — сестрин), а -ов — за основами на твердый согласный (отец — отцов). Однако в современном языке наблюдается процесс угасания продуктивности этих моделей в пользу конструкций с родительным падежом. Тем не менее, в топонимике и антропонимике (образование фамилий: Иванов, Петров, Фомин) эти модели остаются абсолютно доминирующими. Это свидетельствует о том, что притяжательное словообразование — это фундамент русской системы

именования, где суффикс принадлежности превращает имя предка в определение потомка².

Особое внимание следует уделить морфонологическому наложению (интерференции) морфем, которое часто встречается в притяжательных именах. При образовании слов от основ на -ц или -ч суффикс может сливаться с финалью корня, создавая специфические звуковые комплексы (купец — купцов, овца — овечий). В художественном пересказе концепций исторической лингвистики можно сказать, что притяжательное прилагательное «сопротивляется» стандартному деривационному давлению, сохраняя индивидуальность производящего имени. Это особенно заметно в притяжательных формах, образованных от имен собственных с суффиксами субъективной оценки (Ванюшин, Петенькин), где на одной основе наслаиваются сразу две экспрессивные задачи: передать ласку и указать на владение. Такие образования являются вершиной антропоцентризма в русской морфологии, фокусируя внимание на личности субъекта. В заключение анализа словообразовательного потенциала притяжательных имен важно отметить их синтаксическую неустойчивость, которая напрямую вытекает из их морфологической сложности. Стремление языка к упрощению ведет к тому, что сложные чередования и гибридные парадигмы склонения притяжательных прилагательных постепенно вытесняются более регулярными относительными формами. Например, вместо «слоновий» в определенных контекстах чаще употребляется «слоновый» (в значении материала). Однако пока в языке сохраняется потребность выражать интимную, личную связь между человеком (или животным) и предметом, морфонологические особенности притяжательных прилагательных будут оставаться живым свидетельством гибкости и богатства русской грамматической системы. Словопроизводство этого разряда — это не только механизм создания слов, но и способ сохранения

²Реформатский А. А. Избранные труды по филологии. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 98.

культурно-генетической памяти языка в самих его звуковых и морфемных структурах.

Рассматривая более детально морфонологическую структуру притяжательных прилагательных, необходимо обратить внимание на уникальный для русской языковой системы процесс йотации, который выступает не просто как фонетическое явление, а как главный словообразовательный маркер притяжательности в именах на -ий. В лингвистических изысканиях А. А. Реформатского, чьи взгляды на фонологию позволяют видеть в звуке смыслообразительную силу, отмечается, что звук [j] (йот) в таких словах, как «лисий» или «собачий», скрыт в именительном падеже единственного числа мужского рода, но эксплицитно проявляется во всех остальных формах парадигмы. Этот «невидимый» суффикс требует особого внимания: он провоцирует смягчение предшествующего согласного и вызывает целую цепь чередований. Например, в паре «волк — волчий» мы наблюдаем классическое чередование к/ч, которое является историческим наследием первой палатализации. Однако научный интерес представляет тот факт, что в современном языке этот процесс перестал быть чисто автоматическим фонетическим переходом и превратился в морфологический канон притяжательности. Без этого чередования слово утратило бы свою категориальную принадлежность, превратившись в бесформенное новообразование.

Особое место в системе словопроизводства занимают притяжательные прилагательные, образованные от основ с суффиксами -ец- / -ок- (отец, купец, игрок). Здесь морфонология сталкивается с явлением «беглых гласных», которое накладывается на процесс деривации. При образовании слова «отцов» гласный «е» выпадает, освобождая место для притяжательного суффикса. В художественном пересказе концепций структурной лингвистики можно сказать, что корень слова «сжимается», чтобы принять в себя новый смысл владения. Этот процесс демонстрирует высокую степень интеграции морфем в русском языке: суффикс притяжательности не просто пристраивается к слову,

он активно преобразует его внутреннюю структуру. Примечательно, что в формах на -ин подобные выпадения гласных встречаются реже, что делает этот суффикс более «консервативным» и менее агрессивным по отношению к основе производящего слова.

Нельзя обойти вниманием и специфику образования притяжательных прилагательных от основ, оканчивающихся на сочетания согласных, где для удобства произношения и сохранения ритмического рисунка слова возникают вставные гласные или дополнительные морфонологические прокладки. В случаях типа «сестра — сестрин» или «овца — овечий» мы видим, как язык балансирует между необходимостью сохранить узнаваемость исходного субъекта и требованием фонетической гармонии. В работах В. В. Виноградова подчеркивалось, что притяжательные прилагательные — это «самые субстантивные» из всех именных признаков. Именно поэтому их словообразовательная модель так часто задействует механизмы, типичные для склонения существительных³. Это проявляется в сохранении акцентологических кривых (ударения): притяжательные суффиксы часто «перетягивают» ударение на себя или, напротив, жестко фиксируют его на корне, подчеркивая неразрывную связь предмета с его владельцем.

В современном языковом контексте наблюдается интересная тенденция к образованию притяжательных форм от новых, заимствованных основ или имен собственных, что порождает морфонологические окказионализмы. Когда мы пытаемся образовать притяжательное прилагательное от иностранных имен («Барби» — «Барбин», «Гарри» — «Гаррин»), система русского языка включает защитные механизмы, стремясь подогнать чуждую основу под привычные модели на -ин. Однако здесь возникают трудности с чередованиями и стыковкой морфем, что часто приводит к вариативности норм. Анализ таких процессов позволяет лингвистам увидеть «язык в действии» — то, как древние суффиксы -ин и -ов пытаются ассимилировать

³Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. С. 191.

современный лексический поток. Морфологическая сложность притяжательных прилагательных — это не избыточность, а способ максимально четко отделить категорию принадлежности от категории качества. Если бы «лисий» образовывалось по простой модели относительных прилагательных (например, как «лес-н-ой»), язык потерял бы тонкий инструмент различения «свойства предмета» и «принадлежности существу». Специфические чередования, беглые гласные и скрытый йот в притяжательных формах являются стражами семантической определенности, позволяя нам безошибочно отличать, где мы говорим о характере признака, а где — о живой связи между обладателем и его достоянием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ :

1. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 189.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов. — 3-е изд., испр. — М. :Высш. шк., 1986. — С. 191.
3. Реформатский А. А. Избранные труды по филологии. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 98
4. Потехня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М.: Просвещение, 1958. С. 92.